

Виктория Черванёва

Неназванный субъект мифологического текста

В статье отражены результаты семантического исследования языка русской мифологической прозы, целью которого является выяснение основных параметров представления в быличках обобщенного коллективного субъекта — деревенского социума как носителя традиционного знания и системы ценностных установок. Наиболее распространенным способом выражения в мифологическом тексте такого типа субъекта является синтаксический нуль (с помощью одноставных конструкций без подлежащего), а наиболее частотным предикатом выступает речевое действие. Указанные конструкции в мифологических рассказах отличаются значительной частотностью по сравнению с другими сферами устной и письменной речи и функционально ориентированы на ввод в текст мифологической информации, что свидетельствует о восприятии социума носителями традиции как наиболее авторитетного источника сведений и оценочных суждений.

Ключевые слова: мифологический нарратив, персонаж, субъект, номинация, семантика, функция, язык фольклора.

Все определения жанра устного мифологического рассказа (мифологического нарратива, былички, бывальщины) предполагают представление о том, что семантический стержень этого текста — контакт, столкновение или взаимодействие человека с мифологическим персонажем или явлением. При этом в науке сложилась традиция изучения мифологической прозы, в том числе повествовательных текстов (быличек — мемуаров и фабулатов), прежде всего как источника информации о мифологических представлениях и верованиях носителей традиции. Вполне закономерно при таком подходе в центр исследовательского внимания попал мифологический персонаж (домовой, русалка, «ходячий» покойник, банник и др.) и различного рода мифологические явления (сглаз, порча и пр.). Репрезентация же в мифологическом тексте образа человека — второй стороны описываемого в нем взаимодействия — пока в значительной степени остается лакуной в научном описании несказочной прозы.

Изучение моделирования образа человека в тексте составляет часть проблемной сферы прагмалингвистики с присущим ей фокусом исследовательского внимания на фигуре говорящего — его позиции в тексте и средствах ее вербальной репрезентации,

Виктория Алексеевна Черванёва
Воронежский государственный
педагогический университет
viktoriya.chervaneva@gmail.com

семантических ролях, которые рассматриваются как определяющие при выборе стратегий использования языка (см. об этом в [Арутюнова 1999; Падучева 1985; 2010; 2011; 2012; Успенский 2007; Шмелев 2002]). По Е.В. Падучевой, основные семантические роли говорящего — субъект восприятия (наблюдатель), субъект сознания, субъект речи, субъект дейксиса, а специфика реализации данных семантических ролей определяется характером коммуникативной ситуации, в рамках которой существует текст [Падучева 2011].

Идеи прагмалингвистики оказались продуктивны при изучении фольклорного дискурса. Так, С.Б. Адоньева впервые в отечественных исследованиях системно и последовательно применила к анализу фольклора прагматический подход, в рамках которого фольклорное произведение рассматривается не только как текст, но также как речевой акт, предполагающий наличие и взаимодействие говорящего и слушающего [Адоньева 2004]. С.М. Толстая исследовала прагматику фольклорного обрядового текста и выяснила обусловленность его прагматической структуры и семантики обрядовым контекстом и коммуникативной структурой самого обряда [Толстая 2010: 54–64]. В работах Е.Е. Левкиевской [2006; 2008] прагматический анализ применяется для исследования жанровой природы текста, характера и способов воплощения традиционной культурной информации в мифологическом тексте в зависимости от коммуникативной ситуации его бытования.

Рассмотрение же собственно семантической структуры фольклорного мифологического нарратива с применением методологических подходов и инструментария прагмалингвистики пока не проводилось. Тем не менее очевидно, что структура мифологического рассказа может быть описана исходя из положения о фигуре говорящего как центра семантических координат текста. В мифологическом тексте, рассматриваемом в рамках всего текстового массива интервью, говорящий представлен тремя ипостасями: информант — повествователь — персонаж. Изучение маркеров лингвистического присутствия говорящего в тексте, полагаем, является одним из продуктивных методов изучения и системного описания мифологической прозы.

В исследовании, выходящем за рамки настоящей статьи, нами была поставлена задача рассмотреть тенденции моделирования образа человека в мифологическом тексте на основе анализа представляющей его лексики. Материалом исследования послужили 425 текстов русской мифологической прозы из сборника [Черепанова 1996] объемом 33 322 слова и корпус быличек из архива лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ) объемом 113 946 слов.

Изучение вопроса моделирования образа человека предполагает в том числе и анализ персонажной структуры былички. Рассмотрение проблемы в ближайшем приближении показало, что вся система действующих лиц мифологических рассказов строится вокруг двух субъектов — мифологического персонажа и человека-реципиента.

Позиция *реципиента* определяется в широком смысле слова: это человек, который воспринимает некоторое мифологическое сообщение. При этом он может иметь различные частные функции в зависимости от тематики текста и типа описываемого в нем мифологического события — он воспринимает мифологического персонажа или мифологическое явление посредством различных перцептивных каналов; испытывает воздействие со стороны потусторонних сил; взаимодействует с мифологическим персонажем, является жертвой и т.д.

Человек-реципиент в мифологическом тексте не одинок: он окружен людьми — членами традиционного сообщества, всегда помещен в социальное окружение и именно так изображается в мифологической прозе. Всю систему людей — действующих лиц мифологического текста — можно представить в виде концентрической структуры, в центре которой находится реципиент, ближнюю периферию составляют, как правило, члены семьи реципиента (*свекор, свекровь, брат, сын, дети* и проч. под.), реже — соседи, а дальнюю — односельчане, обобщенный социум (см. рис. 1).

Рис. 1. Система действующих лиц в мифологических рассказах

Место действующих лиц по отношению к центру структуры определяется степенью их вовлеченности в основное событие текста — максимальной для реципиента, который, соответственно, занимает центральное место, и второстепенной для тех, кто на периферии.

Ближнюю периферию составляют персонажи второго порядка. Это всегда конкретный субъект, который имеет вариативное воплощение (*отец, сын, сестра, свекор, свекровь, сосед, соседка, баба, ребята / дети* и др.). Эти персонажи также имеют функции, значимые для развития действия мифологического нарратива. Как правило, они выполняют «охранительную» роль по отношению к реципиенту, являются неким гарантом его безопасности: они своевременно замечают происходящее с ним, предостерегают от общения с мифологическим персонажем, предупреждают вредоносное воздействие последнего или принимают меры для его нейтрализации:

*Тут к одной, к Настасье, ходил. Ездил вместе с ней за дровами. Нарубит, на сани складет, привезет и во дворе все сделает. Свёкор подслушал: «Ты с кем разговариваешь?» — «То Федор пришел». Всякое подкладывали, чтобы не ходил, а он каждый день показывался. Остатный раз пришел, крест с нее рвал. **Если бы не свёкор, задавил бы** [Черепанова 1996: № 9]¹.*

*У моей тетушки сына убили на войне. Она по нем все и скучала. И стало ей казаться, что он к ней приходит. Придет и скажет: «Пойдем, я тебе дрова рубить помогу». Они и идут к поленнице рубить. Она с ним разговаривает, а никто его и не видит. А напротив сын ее с семьей жил. **Они и заметили, что она все время с кем-то разговаривает. И сходили к какому-то колдуну. Он-то что-то и сделал, чтоб ей не казалось** [Черепанова 1996: № 22].*

*Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит. Братец у меня. Зашел, а его водит по двору и не найти ему никак двери. Заводил его во весь двор, водит просто его по двору, сам его не видит. **Отец открыл воротечки и постучал три раза, он и вошел** [Черепанова 1996: № 76].*

*А вот еще, я как-то в баню пошел в субботу, пьяный пришел и пошел туда. Баба уже вымылась, а я один там. Ну, лег там и заснул, прямо голый. Потом просыпаюсь, дергает кто-то. Ну, слез, хочу выйти, а не дают, не пускают. И стали кидать, дергать, а с бани не пускают. Ну, **стал я бабу кричать, чтоб***

¹ Примеры из АЛФ РГГУ приводятся с указанием информанта, года и места записи, примеры из сборника О.А. Черепановой приводятся с указанием в скобках номера текста. В примерах сохраняется орфография источника. Выделение в цитатах сделано мною. — В.Ч.

пришла. Она прибежала, сунула мне руку, так я схватил да и выскочил, да и побежал домой, прямо по снегу голый [Черепанова 1996: № 193].

Данная функция имеет типизированный характер. Отсутствие персонажа из окружения реципиента или оставление его одного также значимо для развития сюжета — действует как стимулирующий фактор завязки нарратива:

Бывал случай у меня. <...> Мама ушла печь топить, я с ребенком осталась. Вдруг щелкнула у нас половица, я испугалась, и ревить боюсь. Я промолвила: «Мама!» Оно и исчезло. Игнатья-то и наши потом [Черепанова 1996: № 105].

Кроме того, персонажи из ближайшего окружения реципиента выполняют функцию интерпретации происходящего — в их задачи входит правильное (с точки зрения традиции) объяснение сущности события и его причины. Ср.:

Был взят у меня хозяин на войну, а я с дитем осталась. Много домов сгорело, а мой стоял. Раз соседка пришла, говорит: «Пусти ночевать, я замерзла». Я лежала на печи, вроде как уснула. Вдруг навалился на меня, как собака, мне не дохнуть. Ох, тошно. И лапам и стащил с кровати и говорит: «Так тебе и надо». Я спрашиваю: «Бабка Марья, не спишь?» — «Нет». — «А что это на меня навалилось, как собака?» А она: «Это ж дворовой, а ты чего не спросила, к худому он или к хорошему. Он тебе сказал бы “кху”, если к худому» [Черепанова 1996: № 75].

А дома, пришла раз с вечера с работы, поужинала. Спали дети уже. И забралась я на печку спать, а плохо, что не разделась, нельзя, домовой приснится. Я забралась и вся легла, как была, и чулки надо было снять, нельзя в чулках спать. И вдруг дверь стукнула, кто-то вошел. Он за ноги меня забрал, за эти чулки, и вдруг как сильно навалился, сдавил, и мне не крикнуть. И решила молитву творить, стала читать, стало это все отходить. Он, слышу, спустился и потопал к двери, дверь хлоп, и пошел он за дверь. А мама и говорит мне: «Значит, он тебя с дому выживает, куда-то ты уйдешь». И уже через год я вышла замуж. Один раз всего приходил, больше не видела его. А бывает, и задушит, и до смерти может [Черепанова 1996: № 90].

Действующие лица третьего порядка — обобщенный коллективный субъект, не персонифицированный социум (люди, старики, бабки, многие, все), который довольно часто в мифологических текстах лишен собственной номинации и выражается синтаксическим нулем — односоставными конструкциями без подлежащего, иногда с локализатором (у нас, в деревне и т.п.). Приведем примеры.

Когда от меня вздумал мой мужик уходить, мне **сказали**, сходи к бабке [Черепанова 1996: № 306].

Колдунья, она бабка, как бабка. Вот одна у нас тут, все коров меняет, никак у ней с коровами. Ей **посоветовали** съездить к бабке. Поехала она [Черепанова 1996: № 307].

Какой-то раз сено **убирали** на сарае. Сена-то много распушено. Она говорит: «Был бы Филипп». Тут он и оказался. Зовет: «Полезай на стог». Она полезла, ударилась об матицу, сказала: «Господи!» — так никакого Филиппа. Потом **заметили**, что поидет в лес с веревкой. Брось, **говорят**, разве он к тебе ходит — нечистый дух [Черепанова 1996: № 20].

Летучий змей, так разговор есть. Вроде летучий змей или уж. Как-то у нас в соседней деревне в Кошевой при обмолоте **видели** [Черепанова 1996: № 123].

Русалки-то, да, слыхивала. Сейчас уж никого, не стало, а раньше много было всего, много **рассказывали** историй всяких. <...> А кто они? А кто знает. У нас иногда **говорят**, что это девушки, умершие перед самой свадьбой. Они вот и томятся всю жизнь, и людям жить мешают [Черепанова 1996: № 172].

Деньги-то высыпал с мешка на пол, а там и не деньги вовсе, а камни, белянькие только, у нас **говорят**, таким камнем порчу наводят. Вот, после этого ушёл он с мельницы, потому как **говорят** у нас, кто раз с им знакомится, того уж в покое не оставит, не. Во как было [Черепанова 1996: № 272].

Поехал пахать, пашет, и вдруг впереди лошади мышь пробежала. А лошадь-то испугалась. Он взял и матюгнулся. Приехал домой — болен невозможно. Там в деревне-то и **говорят**: «Ну, это боровухи к нему привязались». Боровухи — это лешачихи, на бору дак [Черепанова 1996: № 157].

Наиболее частотным предикатом субъекта этого типа выступает речевое действие. Так, в сборнике О.А. Черепановой [Черепанова 1996] отмечено 103 примера неопределенноличных предложений с глаголом речи в роли сказуемого (из них с глаголом *говорить* — 77; с другим глаголом речи (*сказывать, рассказывать, советовать*) — 36), а неопределенноличных предложений со сказуемым с другой (неречевой) семантикой — всего лишь 12 (*хоронили, послали, оставили*), т.е. почти на порядок меньше. Кроме того, глагол речи *говорить* в форме 3-го лица множественного числа (*говорят*) довольно часто используется в функции вводных слов (45 употреблений).

Предметом детального анализа в настоящей статье являются форма представления субъекта данного типа — дальнего соци-

ального окружения персонажа, обобщенного не персонифицированного социума — с помощью бессубъектных конструкций с глаголом речи «говорить» (структурная схема — Vf_{3pl} [Русская грамматика 1980]) и функции этих конструкций в мифологическом тексте.

Анализ частотности лексики исследуемого массива показал, что словоформы «говорят» / «говорили» весьма распространены в мифологической прозе, причем значительная часть этих форм используется в бессубъектных синтаксических конструкциях, прежде всего в функции сказуемого в односоставных предложениях, а также в роли вводного элемента (только для словоформы «говорят»).

По классификации, принятой в традиционном структурно-семантическом синтаксисе, этот тип односоставных предложений вслед за А.А. Шахматовым [2001: 70–81] называют неопределенно-личными [Валгина 1991: 166; Ломов 2004: 147–148; Никитина 2011].

Это предложения, субъект в которых не выражен вербально, так как неизвестен или референциально несуществен и неважен для восприятия смысла высказывания, — обобщенный субъект. Однако в мифологических текстах это один из важнейших способов репрезентации ключевой позиции в системе действующих лиц — социума как носителя общепризнанной системы оценок и мнений, а также способ для говорящего дать собственную интерпретацию события, но не прямо, а через апелляцию к мнению традиционного сообщества.

Прежде всего обращает на себя внимание широкая употребительность этих словоформ именно в односоставных конструкциях (см. табл. 1).

Сравнительный анализ употребления этих форм в различных сферах устной и письменной речи по данным Национального корпуса русского языка дал следующие результаты (приведем сведения для формы прош. вр. *говорили*, для которой нехарактерно употребление в роли вводного слова, см. табл. 2).

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что значительное преобладание указанных словоформ в мифологических текстах в односоставных конструкциях связано с влиянием разговорной речи. Причем большая частотность этих единиц в текстах из АЛФ РГГУ по сравнению с данными из сборника О.А. Черепановой, видимо, объясняется особенностями источников: контексты из АЛФ РГГУ представляют собой расшифровки интервью, не подвергшиеся литературной обработке в плане устранения свойственных разговорной речи структурных черт и содержащие присущие ей повторы.

Таблица 1

**Анализ употребления словоформ «говорят» /
«говорили» в мифологических текстах**

Параметры корпуса	Общее количество слов в корпусе	Количество употреблений словоформы «говорили»		Количество употреблений словоформы «говорят»		
		всего в корпусе	в функции сказуемого в односоставном предложении	всего в корпусе	в функции сказуемого в односоставном предложении	в функции вводного элемента
Корпус быличек из базы лаборатории фольклористики РГГУ	113 946	72	62 (86,1 %)	285	124 (43,5 %)	135 (47,4 %)
Сборник мифологических рассказов (сост. О.А. Черепанова)	33 322	49	36 (73,5 %)	121	41 (33,8 %)	45 (37,1 %)

Обнаруженная особенность разговорно-речевого синтаксиса в мифологических рассказах получила особую функциональную специализацию, связанную с прагматикой жанра, а именно: односоставная конструкция с глаголом речи вводит в текст собственно мифологическое содержание. Если обобщить частные случаи, то можно говорить о нескольких основных способах введения мифологической информации в текст с помощью названной конструкции. Это происходит путем ввода информации о факте, ввода интерпретации факта / явления и ввода вербальной формулы. Эти модели включения информации в текст можно описать соответствующими семантическими формулами:

1) ввод информации о факте:

а) событии:

- единичном (*говорят, что произошло X*);
- повторяющемся (*говорят, что происходит X*);

б) явлении (*говорят, что X — это Y*);

2) ввод интерпретации факта / явления (*говорят, что X значит Y*);

3) ввод вербальной формулы (*говорят X*).

Таблица 2

**Сравнительная характеристика употребления словоформы «говорили»
в различных сферах устной и письменной речи**

Параметры подкорпуса текстов	Общее количество слов в подкорпусе	Количество употреблений словоформы «говорили»	
		всего в подкор- пусе	в функции сказуемого в односоставном предложении
Корпус быличек из базы лабораторий фольклористики РГГУ	113 946	72	62 (86,1 %)
Сборник мифологических рассказов (сост. О.А. Черепанова)	33 322	49	36 (73,5 %)
Подкорпус устной речи НКРЯ (устная непубличная речь, жанр «рассказ», тематика «частная жизнь»)	355 005	73	45 (62 %)
Подкорпус письменной нехудожественной речи НКРЯ (обиходно-бытовая сфера, тематика «частная жизнь»)	2 688 208	320	78 (24,3 %)
Подкорпус письменной художественной речи НКРЯ (жанр «историческая проза», тип текста «рассказ»)	83 273	14	3 (21,4 %)
Подкорпус письменной художественной речи НКРЯ (жанр «документальная проза», тип текста «рассказ»)	654 545	77	18 (36,3 %)

Приведем примеры.

Ввод информации о факте может выступать как сообщение о *событии* (факте, имеющем процессуальный характер) и о *явлении* (непроцессуальном факте), причем событие может изображаться как единичное (уникальное) и как повторяющееся (узвальное).

Рассказы об уникальном событии (описываются семантической формулой «*говорят, что произошло X*») — это былички. Например:

Говорили, старуху в бане банники в бочку пустую затолкали, живая еле осталась, да [Черепанова 1996: № 195].

Говорили, парнишка однажды гейнул, и шишки его подхватили. Его и по елкам водили, и везде [Черепанова 1996: № 51].

Говорили, что вот родился у женщины сын и было ему три месяца. Вот ночью уже, она спит, и вдруг кто-то в окно ей: тук-тук. Ну, она встала, открыла окошко и вдруг видит, что женщина така в белом платье и платке и просит, дай мне, мол, водицы. Ну, дала она ей напиток, ну и говорит ей покойница-то: «Отдай мне твою сына». А эта-то, мать-то, говорит: «Нет, не отдам». Ну, покойница-то ей и скажи, что через восемнадцать лет он сам к нам придет. И точно, вот ему восемнадцать лет исполнилось, ну, он и умер [Черепанова 1996: № 30].

[Там русалок видели?] Ну, кто-то видел, что раньше вот говорили — был старичёк один, вот тот-то видел. Конкретно не говорили, что именно я видал, а именно што он видел, он видел. Иду, говорит, смотрю, за кустиком сидит на камушке девица, расчёсывает длинные чёрные волосы, оглянулся, он говорит, на меня так посмотрела, он подошёл к этому дереву — речка в этом месте чистенькая-чистенькая (АЛФ РГГУ, инф. ТАИ, 1998 г., Труфаново-Кукли).

Последние два примера представляют развернутые былички с повествованием в качестве доминирующего типа речи, тогда как первые две былички лишены повествовательного компонента и являются сжатыми сообщениями о факте¹.

Сообщения об узуальных, повторяющихся событиях (формула «говорят, что происходит X») в жанровом отношении представляют собой:

а) поверья:

Говорят, на Чистый четверг на клюке бабы здят, колдуют [Черепанова 1996: № 334].

А то говорят, что обдериха в бане только после сорокового ребенка появляется [Черепанова 1996: № 200].

Говорили, ворожбеи могут собачью свадьбу сделать [Черепанова 1996: № 334].

б) описания ритуальных практик:

Говорили-то раньше, когда пастух стадо пас летом, так не стригся [Черепанова 1996: № 300].

¹ Используется типология функционально-смысловых типов речи Н.С. Валгиной, в соответствии с которой выделяются следующие типы речи: повествование, описание, сообщение, рассуждение, объяснение, определение [Валгина 2003].

*[В пустом доме слушать ходили?] Нет, я не слыхала. Раньше-то **говорили, говорят**, вот уйдут где ни... ни живут, вот, примерно, зимой живут ф позёмке, а эта нежилая зима... изба останец_’я, ак вот хомут ставили — дефка ф хомут смотрела. И показывалось, **говорят** (АЛФ РГГУ, инф. ФЛА, 2001 г., Ягрема).*

Сообщение о явлении передает информацию о факте в статике, его содержание описывается формулой «*говорят, что X — это Y*». Как правило, это тексты идентифицирующего плана — обычно о наличии магического специалиста. Ср.:

*В одной деревне жил дед Василий. **Говорят**, что он был колдуном [Черепанова 1996: № 325].*

*Один инвалид был, без руки с войны пришел. **Говорят**, что он знался [Черепанова 1996: № 342].*

*И еще про одну **говорили**, что у ей маленькие были [Черепанова 1996: № 338].*

*И еще про одного **говорили**, он шишков знал. Попросили, чтобы показал [Черепанова 1996: № 343].*

*Одному была посажена икота. А было так. Дядя у его, так **говорили**, что икотник [Черепанова 1996: № 363].*

*Тут го... **говорили**, вон там на Кашине дивеня была, тоже теперь нету дивеня-то, тожо... Журавлёф Михаил, Журавлёф, забыл очиство иво как эта... Дак **говорили**, што у ево есьть. Придѣшь в е... придѣшь в евоный амбар... специально по... што поспишь, дак ночью выганивают. Уходи и фсѣ, не дадут спать. [*Черти спать не дадут?*] Д... Да. (АЛФ РГГУ, инф. ММФ, 2009 г., Благовещенск).*

Второй способ введения мифологической информации в текст с помощью неопределенно-личных конструкций с глаголом речи — это **ввод интерпретации факта / явления** (формула «*говорят, что X значит Y*»). Такой способ введения информации осуществляется в текстах различной жанрово-речевой природы — в быличках, поверьях и инструкциях (ритуальных предписаниях). Приведем примеры:

а) интерпретация, включенная в *нарратив*:

*Поехал пахать, пашет, и вдруг впереди лошади мышь пробежала. А лошадь-то испугалась. Он взял и матюгнулся. Приехал домой — болен невозможно. Там в деревне-то и **говорят**: «Ну, это боровухи к нему привязались» [Черепанова 1996: № 157].*

*Потом заметили, что пойдет в лес с веревкой. Брось, **говорят**, разве он [умерший муж] к тебе ходит — нечистый дух [Черепанова 1996: № 20].*

*Много в лесу путают. Я вот коров пас, так никак домой не занать, **говорят**, лесовик держит* [Черепанова 1996: № 145].

*Я когда приехала сюда работать, был пастух, Константин Иванович. И вот он умер в лесу. Умер он, тогда **говорили**, што от голоду, а так **говорили**, што ево, дак пас коров, дак чево там, нарушил отпуск ли чево ли* (АЛФ РГГУ, инф. СОА, 1996 г., Бор-Давыдово);

б) интерпретация, включенная в *поверье*:

*А хто они? А хто знает. У нас иногда **говорят**, что это девушки, умершие перед самой свадьбой. Они вот и томятся всю жизнь, и людям жить мешают* [Черепанова 1996: № 172].

*[А в рай кто попадает?] Это хорошие люди, которые веруют в Бога, соблюдают все обычаи там, не ругаются, не врут, не воруют, худыми делами не занимаются, не сплетничают. Вот это, **говорят**, самый худой грех, что сплетничать... Да там вот заводить людям* (АЛФ РГГУ, инф. ШВИ, 1996 г., Кречетово-Шильда-Кольцово);

в) интерпретация, включенная в *инструкцию* — совет на основе мифологической интерпретации явления:

*Вот отцу-то его и **говорят**: «Ты возьми, воскресну молитву прочитай в рубаху-то, да и дай эту рубаху сыну-то»* [Черепанова 1996: № 157].

***Говорили** раньше: в лес пойдёшь — не кричи: «Эгей!» Надо называть по имени — Марья, Дарья — и кричи* (АЛФ РГГУ, инф. РМВ, 1996 г., Кречетово-Евсино-Ручьевская).

Третий отмеченный способ введения мифологической информации в текст осуществляется путем *ввода вербальной формулы*, часто ритуального характера, и описывается семантической формулой «*говорят X*»:

*Бывало, приходят; как покойника увезут и **говорят**: «Ух-нету! Ух-нету! Был и нету!» Это, чтобы покойника не бояться* [Черепанова 1996: № 41].

*В каждом доме есть дворовой, как сам хозяин он. Лошадей чешет, сено гребет. Ему, бывало, бутылку водки выставляли, угощенье. Когда скотину приводили, **говорили**: «Хозяин дворовой, я буду ею любить, и ты люби, как я ею люблю»* [Черепанова 1996: № 82].

*Чертышко, он в реке живет, волны нагоняет, ветром завивает; вода шумит, волны большие, детям **говорят**: «Не купайтесь далеко, вода высоко, чертышко утяне!» <...> И еще **говорят**: «Чертышко-перевертышко, пусти в байну помыться, попариться»* [Черепанова 1996: № 261].

В реке чертышко живет. Мужика за бороду схватил. Говорят: «Не пей прикладкой, придет черт с лопаткой» [Черепанова 1996: № 264].

У нас говорят про таких: «Эта с лешим знается» (АЛФ РГГУ, инф. КЕА, 1997 г., Никола-Белая).

«Спасибо» в байне не говорят. Не говорят, подрушка, не говорят. [Почему?] В байне не говорят «спасибо» (АЛФ РГГУ, инф. ЧАФ, 1999 г., Ловзаньга-Заручье).

Хотелось бы отметить еще один, как представляется, важный момент. Если сравнить употребление рассматриваемых словоформ (*говорят / говорили*) в двусоставных предложениях (с вербально выраженным подлежащим) в мифологических текстах (по данным АЛФ РГГУ) и в устной речи (по данным Национального корпуса русского языка), то оказывается, что функциональная специализация этих лексем в указанных сферах значительно различается. Так, в двусоставных предложениях в мифологической прозе почти в половине случаев (43 %) названный в них субъект является обобщенным (*люди, все, многие, старики, старухи, бабки*), т.е., по сути, это предложения с такой же семантикой, как и рассмотренные выше неопределенно-личные конструкции:

На реке здесь, да, тожо две девчонки потонуло здесь. Мельница раньше стояла. Леший камень там есть. Старухи говорят: «Леший камень, леший камень», — и, старухи говорят, если вода поднимается выше Лешиевого камня, значит, воды много в этом году, если торчит, значит, леший относится к деревне так вот — старухи раньше так разговаривали (АЛФ РГГУ, инф. ПВК, 1996 г., Ухта).

В одной деревне одна бабка жила, она такая старая. Дом у нее стоял дальше от других, ниже от деревни. Говорили люди, что ведьма [Черепанова 1996: № 315].

Все говорят, что чертей передают. Манька у нас, переданы ей от бабки черти [Черепанова 1996: № 326].

Еще говорили нам старики, что после дождя купаться нельзя, русалка там моется [Черепанова 1996: № 179].

И вот пока не вышел туда, на светлую сторону, а потом по этому лесу вышел к озеру. А потом мне бабки говорят: «Там всегда водит». Не ходи туда, да и всё (АЛФ РГГУ, инф. НАК, 1997 г., Никола-Меньшаковская).

Таким образом, у данного глагола речи в форме 3 л. мн.ч. в мифологическом тексте явно наблюдается функциональная специализация — репрезентировать мнение традиционного

сообщества. В устной повседневной речи такой показатель значительно ниже (около 20 %), в этой сфере в роли подлежащего в предложениях с глаголами речи в форме 3 л. мн.ч. чаще всего выступает наименование конкретного субъекта, причем, как правило, это личные местоимения (*мы, они*).

Подведем итоги.

Исследование основных параметров представления в быличках обобщенного коллективного субъекта — традиционного социума — показало, что наиболее частотным способом выражения такого типа субъекта в мифологическом тексте является синтаксический нуль, а наиболее частотным предикатом выступает речевое действие, репрезентируемое односоставными конструкциями без подлежащего.

Сопоставительное исследование неопределенно-личных предложений в мифологических рассказах и данных, представленных в Национальном корпусе русского языка, обнаружило значительное преобладание в мифологической прозе глаголов речи в указанных конструкциях. Причем наблюдается особая функциональная специализация этих вербальных единиц, обусловленная прагматикой жанра: неопределенно-личная конструкция вводит в текст собственно мифологическое содержание (путем ввода информации о факте, ввода интерпретации факта и ввода вербальной формулы), которое позиционируется как знание или мнение традиционного сообщества.

Таким образом, односоставная бессубъектная конструкция была воспринята традицией в качестве средства для реализации стратегии убеждения: во-первых, как средство выражения достоверности содержания текста (ссылка на авторитет общественного мнения) — в тех случаях, когда эта конструкция выполняет функцию ввода информации о факте, а во-вторых, как способ для говорящего снять личную «ответственность» за содержание текста, когда конструкция вводит интерпретацию факта.

Наличие и частотность описанных конструкций в мифологических рассказах и их функциональная ориентация на ввод в текст мифологической информации свидетельствуют о том, что социум воспринимается носителями традиции как наиболее авторитетный источник сведений и оценочных суждений.

Список сокращений

АЛФ РГГУ — Архив лаборатории фольклористики РГГУ

Источники

[Черепанова 1996] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комм. О.А. Черепанова. СПб.: СПбГУ, 1996. 209 с.

Библиография

- Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1991. 432 с.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.
- Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363. <<http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>>.
- Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Ломов А.М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж: ВГУ, 2004. 400 с.
- Никитина Е.Н.* Неопределенно-личные предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011. <<http://rusgram.ru/>>.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Падучева Е.В.* Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Падучева Е.В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
- Русская грамматика / АН СССР, Ин-т русского языка. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. <<http://rusgram.narod.ru/>>.
- Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Либроком, 2010. 368 с.
- Успенский Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка: 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Unnamed Agent of the Mythological Text

Victoria Chervaneva

Voronezh State Pedagogical University
Lenin str., 86, Voronezh, Russia
viktoriya.chervaneva@gmail.com

This article presents the results of a semantic study of the language of Russian mythological prose. The aim of the study is to describe the basic parameters of representation in the mythological narratives of the generalised collective agent — society as the holder of traditional knowledge and values. The subject of detailed analysis in the article is representation of this type of agent using indefinite-personal sentences with the verb “to say” and the functions of these structures in the mythological text.

This syntax structure introduces the actual mythological information in the text. This occurs in different ways — by entering information about the fact, by entering the interpretation of the facts, and by entering a verbal formula.

The presence and frequency of subjectless structures in mythological stories and their functional orientation to enter mythological information in the text indicates that carriers of the tradition perceive the society as the most authoritative source of data and estimates.

Keywords: mythological narrative, character, agent, nomination, semantics, function, folklore language.

References

- Adonyeva S. B., *Pragmatika folklor* [The Pragmatics of Folklore]. St Petersburg: St Petersburg State University Press; Amfora, 2004, 312 pp. (In Russian).
- Arutiunova N. D., *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999, 896 pp. (In Russian).
- Levkievskaja E. E., ‘Bylichka kak rechevoy zhanr’ [Bylichka as a Speech Genre], *Kirpichiki: folkloristika i kulturnaya antropologiya segodnya* [Bricks: Folklore and Cultural Anthropology Today]. Moscow: RGGU Press, 2008, pp. 341–363.
- Levkievskaja E. E., ‘Pragmatika mifologicheskogo teksta’ [Pragmatics of Mythological Text], *Slavyanskiy i balkanskiy folklor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan Folklore. Semantics and Pragmatics of the Text]. Moscow: Indrik, 2006, pp. 150–214.
- Lomov A. M., *Russkiy sintaksis v alfavitnom poryadke: Ponyatiynyy slovar-spravochnik* [Russian Syntax in Alphabetical Order: Conceptual Dictionary Catalog]. Voronezh: Voronezh State University Press, 2004, 400 pp. (In Russian).

- Nikitina Ye. N., *Neopredelenno-lichnye predlozheniya. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>). *Na pravakh rukopisi*. [Indefinite-personal Sentences. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar (<http://rusgram.ru>). On rights of manuscript]. Moscow, 2011. <<http://rusgram.ru/>> (In Russian).
- Paducheva E. V., 'Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiya govoryashchego' [Egocentric Valences and Deconstruction of the Speaker], *Voprosy jazykoznanija*, 2011, vol. 3, pp. 3–18. (In Russian).
- Paducheva E. V., 'Neopredelenno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemy subjekt' [The Indefinite-personal Sentence and its Implicit Subject], *Voprosy jazykoznanija*, 2012, vol. 1, pp. 27–41. (In Russian).
- Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic Research: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of Narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2010, 480 pp. (In Russian).
- Paducheva E. V., *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deystvitelnostyu* [Utterance and Its Relationships with Reality]. Moscow: Nauka, 1985, 272 pp. (In Russian).
- Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1980, vol. 2: Syntax. <<http://rusgram.narod.ru/>>. (In Russian).
- Shakhmatov A. A., *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. Moscow: Editorial URSS, 2001, 624 pp. (In Russian).
- Shmelev A. D., *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitelnost* [Russian Language and Extralinguistic Reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002, 496 pp. (In Russian).
- Tolstaia S. M., *Semanticheskie kategorii yazyka kultury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic Categories of Language and Culture: Essays in Slavic Ethnolinguistics]. Moscow: Librokom, 2010, 368 pp. (In Russian).
- Uspensky B. A., *Ego Loquens: Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego loquens: Language and Communication Space]. Moscow: RGGU Press, 2007, 320 pp. (In Russian).
- Valgina N. S., *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [The Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1991, 432 pp. (In Russian).
- Valgina N. S., *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow: Logos, 2003, 278 pp. (In Russian).